

Леонид Смиловицкий
(Тель-Авивский Университет, Израил)

Литература в тисках цензуры. Белорусская страница: 1944-1956 гг.

К постановке проблемы

Цензура в БССР вобрала в себя основные черты советской эпохи. С ее помощью государство сумело установить всеобъемлющий контроль над жизнью и общественным сознанием своих граждан. Если до войны главная задача цензуры состояла в борьбе с внутренним врагом, то после ее окончания – это место занял внешний враг в лице «международного империализма», как угроза сохранению режима личной власти И.В. Сталина.

Цель статьи дать представление о формах, методах, характерных особенностях цензуры в области литературы, показать специфику работы уполномоченных Главного управления по делам литературы и издательств при Совете Министров БССР, действовавших в тесном взаимодействии с ЦК Компартии Белоруссии и Министерством государственной безопасности.

Хронологические рамки исследования охватывают период после освобождения республики от немецкой оккупации летом 1944 г. и до развенчивания культа личности И.В. Сталина в 1956 г.

Материалом для статьи послужили главным образом архивные документы, дополненные сведениями, почерпнутыми в научных и популярных изданиях, статистических сборниках, периодической печати. Их обогатили воспоминания бывших сотрудников цензуры и средств массовой информации, типографий и издательств, журналистов, писателей и художников, которые, в силу служебной необходимости, сталкивались с работой Главлита БССР.

Белорусская литература после 1944 г.

После окончания войны де-факто существовало два направления белорусской литературы.

Первое (официальное) - представляли советские литераторы, прошедшие войну в составе Красной армии и партизанского движения.

Второе (неофициальное) - писатели и поэты, которые предпочли эмиграцию, поскольку они понимали, что советская власть не простит им пребывание (по различным причинам) на оккупированной территории в годы войны.¹

В 1945 г. Союз писателей БССР насчитывал 47 членов, а к середине 1949 г. - 91 чел., среди которых были, в основном, новые имена - Янка Брыль, Иван Мележ, Николай Аврамчик, Алексей Кулаковский, Иван Шамякин, Тарас Ходкевич, Андрей Макаенок и др.

К концу войны власти уличили у писателей признаки «идеологической расслабленности». Одни из них пессимистически отзывались о состоянии литературы, считая, что их поставят на государственную службу и заставят писать, «что приказано». Другие, наоборот, считали, что после демобилизации вернуться к жизни люди, которые принесут с собой новую меру вещей. Третьи полагали, что современные писатели уже превратились в патефоны и «хрипят» совершенно одинаково. Четвертые - что зависимость современной литературы и периодической печати привела к молчанию талантов и визгу приспособленцев.²

Писателей, открыто прекословивших требованиям властей, не было. Оставались только писатели, соблюдавшие меру славословия режиму и ее не соблюдавшие. Писателей, пытавшихся заявить о свободе творчества, партия давно оставила за порогом литературной жизни и они замолчали. Р.В. Иванов-Разумник насчитал три типа советских писателей: погибших, задушенных и приспособившихся.³ Многие художественные произведения попадали в спецхран, несмотря на лояльность и преданность режиму их авторов. Когда поступала информация о том, что такой-то писатель был лишен советского гражданства, Главлит издавал приказ об изъятии всех его произведений из общего доступа и книготорговой сети. После решения ЦК ВКП(б) и доклада А.Жданова 14 августа 1946 г. - первом после войны по вопросам литературы и искусства, в журнале «Беларусь» была снята с набора статья «Ленинградские писатели», в которой положительно оценивалось творчество А.А.Ахматовой и М.М. Зощенко.⁴

По оценке Антона Адамовича,⁵ последствия ждановского «залпа» белорусские литераторы почувствовали на себе, как и все остальные. Первый залп докатился до республики в 1947 г. и отразился на писателях и поэтах,⁶ второй залп (1949 г.) - на литературных критиках, языковедах и фольклористах,⁷ третий (1951

¹ В послевоенной эмиграции оказались Н.Арсеньев, А.Змагар (А.Яцевич), Р. Крушина (Козак), Ф.Ильяшевич, В.Дудицкий (И. Гутько), Я. Зока (А.Данилович), В. Клишевич, М.Седнев, М.Ковыль (Я.Лещенко), А.Соловьев (А.Радзюк) и некоторые др.

² Д.Л. Бабиченко, *Писатели и цензоры. Советская литература 1940-х годов под политическим контролем ЦК*, Moskwa 1994, s. 9

³ Р.В. Иванов-Разумник, «Писательские судьбы». *Писательские судьбы. Тюремьы и ссылки.*, red. W.G. Biełous, Moskwa 2000, s. 57.

⁴ См. приказ от 21 апреля 1947 г. К. Омельченко: задачи цензуры в связи с принятием постановления ЦК ВКП(б) «О журналах *Звезда* и *Ленинград*» от 14 августа 1946 г. в Приложении документов.

⁵ А. Адамовіч, «Сорок год Беларускай літаратуры ў БССР: *Беларускі зборнік*. Інстытут для вывучэння СССР, Monachium 1959, ks. 10, cz. 1, s. 112.

⁶ К. Крапива, М.Танк, П. Панченко и Э. Огнецвет.

⁷ М.Модель, А. Кучер, Л. Бэнде, Я. Герцович, В. Гальперин, Л. Смолкин, Л. Бараг, М. Меерович.

г.) – снова был направлен против писателей.⁸

Белорусские литераторы старались осмыслить последствия войны. Прежде всего, это нашло отражение в романах Ивана Шамякина «Глубокое течение», Николая Ткачева «Згуртаванасць» (сплоченность – бел. яз.), повестях Янки Бриля «В Заболотье светает», пьесах К. Крапивы «Константин Заслонов», Алеся Кучера «Это было в Минске», Кастуся Губаревича «Брестская крепость» и др.

Якуб Колас завершил многолетний труд над поэмой «Рыбакова хата», Петрусь Бровка – поэма «Хлеб», Кастусь Кириенко – поэма «Моя республика», Аркадий Кулешов – поэма «Новое русло». Однако для этих произведений была характерна чрезмерная поэтизация послевоенной действительности, игнорировавшая правду жизни.

Навязывание воли властей

Режим подталкивал писателей изображать картину народного сопротивления нацистам в выгодном для себя свете. Требовалось оказать «всемерную литературную помощь» бывшим руководителям партизанских отрядов и подпольных партийных организаций в описании борьбы советских людей в тылу врага.

В 1948 г. секретарь ЦК КП(б)Б по идеологии М.Т. Иовчук критиковал, что большинство произведений, посвященных героической эпопее партизанской борьбы в годы войны, не раскрывают внутренний образ и духовный мир партизан. Писатели не показывали, что партизаны руководствовались возвышенными идеями советского патриотизма, а не только желанием отомстить за репрессии против близких родственников или отобранного подвинка (поросенка - ЛС), как это было в одном из произведений Алеся Кучера. В качестве примера обеднения образа героя-партизана приводились сборник В.И. Кравченко «Рыгор Шыбай», опера «Алеся» Е.К. Тикоцкого и некоторые др.⁹

Произведения на партизанскую тему быстро превратились в «заказные». Они настолько походили друг на друга, что, казалось, писались за одним столом. На общем собрании писателей республики зимой 1950 г. говорилось об упрощении типа предателей в партизанских повестях, что превысило всякую меру – все предатели приходили из ссылки, как будто их «нарочно выпускали для предательства».¹⁰

Выводы, к которым приходили писатели, часто не устраивали Главлит. М.Лужанин в поэтических сборниках «Широкое поле войны» и «Поступ» отразил отступление Красной Армии на Восток в начальный период войны и не скрывал огромные потери в людях и технике, сокрушался о погубленном урожае. Предосудительные намеки виделись цензорам в таких стихах, как «Верба над водою» П. Бровки, «Земля и море» А.Кулешова, «Смерть солдата», П. Глебки, «Дорогая моя» М. Танка и др. Из политических и идеологических соображений были запрещены роман «Млечный путь» и первая часть романа «Украденное

⁸ П. Глебо, П. Бровка, М. Лужанин, А. Белевича, К. Буйло и др.

⁹ Выступление М.Т. Иовчука на I съезде Белорусского театрального общества 12 апреля 1948 г.: БГАМЛИ, ф. 156, оп. 1, д. 7, л. 252.

¹⁰ Протокол общего собрания 16 февраля 1950 г.: БГАМЛИ, ф. 78, оп.1, д. 31, л. 232.

счастье» Кузьмы Чорного. По мысли цензоров в них автор идеализировал немцев, развивал мысль об их гуманности.

В художественных произведениях нельзя было обращать внимание на неустроенность быта, жилищную проблему, нехватку продовольствия, товаров повседневного спроса или профессиональную некомпетентность. В январе 1947 г. ЦК КП(б)Б говорил о малохудожественных, безыдейных произведениях (пьеса Кондрата Крапивы «Милый человек») и «ошибочных» (пьеса Алеся Кучара «Заложники»), искажавших советскую действительность.¹¹

В пьесе К.Крапивы «Милый человек», главный герой Жлукта, скрываясь от мобилизации, приезжает в прифронтовой город. Автор подробно пересказывает его взгляды, которые цензура оценила как «антисоветские» и «клеветнические». Недостаток пьесы «Заложники» А. Кучара видели в том, что автор центральное место отводил предателям родины, которые воспитывались при советской власти. Главный герой Нечипор, честный и добросовестный колхозник до войны, превратился в активного помощника оккупантов, а его дочь Зина стала любовницей немецких офицеров. Общий вывод сводился к тому, что пьеса искажала картину сопротивления белорусского народа с нацистами.

Секретарь Союза писателей республики П. Ковалев весной 1948 г. признавал, что тема мирного труда еще не нашла достойного отражения в белорусской литературе.¹² В повести «Теплое дыхание» автор старался показать поэтизацию строителей минского автомобильного завода. Однако второстепенные детали заслоняли смысл. По мнению цензуры, роман Стаховича «Под мирным небом», посвященный восстановлению колхозной жизни, вышел надуманным и поверхностным. Попытку показать возврат рабочих к мирному труду сделал И.Гурский в рассказе «Семья белоруса», но упрощенная передача явлений жизни делала идею рассказа туманной и маловыразительной.

Одобрение вызвали стихи Кулешова о восстановлении родного города «Дом», К. Киреенко «Ля вітрын», «Вуліца», А. Зарицкого «Корабль», М.Лужанина «Грузовики», П. Пестрака «Навагодніе агні». Строительству тракторного и автомобильного заводов были посвящены стихотворения М.Танка «Дружба», А.Велюгина «Вершы аб трактараградзе», П. Панченко «Зубр на радыятары», В. Витки «МТЗ». Однако, как отмечали в ЦК партии, еще не были созданы произведения, которые бы с эпической широтой отображали «всю душевную величественность советских людей» и их трудовой подвиг в послевоенной сталинской пятилетке.¹³

Объяснение творческих неудач

Творчески неудачи крылись не столько в отсутствии мастерства белорусских авторов, сколько были обусловлены многочисленными искусственными ограничениями, которые ставили перед прозаиками и поэтами чиновники от литературы и их партийные кураторы.

¹¹ НАРБ, ф. 4, оп. 61, д. 427, л. 33.

¹² Информационная справка П. Ковалева «Отражение труда советского народа в послевоенный период в белорусской советской литературе» - М.Т. Иовчуку от 7 мая 1948 г.: БГАМЛИ, ф. 78, оп.1, д. 22, лл. 85-91.

¹³ Информационная справка П. Ковалева 7 мая 1948 г.

Литература не сразу впитала официальную версию послевоенной советской действительности. Если накануне и в годы войны центральное место в повествовании занимал коллективный образ действующих лиц, то после войны его сменило внимание к индивидуальности и ее адаптации к мирной жизни, как новой реальности. В литературе приводились многочисленные образы героев восстановления народного хозяйства и культуры - директор фабрики, председатель колхоза, инженер, сельский учитель, ученый, геолог, строитель, бригадир. Типаж должен был отражать тенденцию в развитии образа, который подразумевался в реальной жизни.

В выдуманном мире советской реальности порок никогда не мог победить добродетель, а зло - добро. Игра складывалась не в пользу плохого героя, который должен был исправиться. Разрешалось писать о «плохих» людях, но только в качестве контраста с «хорошим». Отрицательные персонажи никогда не должны были выигрывать. В конце произведения они либо менялись, либо садились в тюрьму, либо погибали.

Настоящие проблемы советской жизни были лучше представлены в литературе, связанной с деревней или провинциальным городом, с фабрикой или огромным строительством. Однако чаще всего психологическое изображение действующих лиц подавалось стереотипно, опираясь на заранее известный шаблон.

Художественная литература превратилась в идеальный инструмент пропаганды. Ее герои были обречены совершать положительные поступки и проявлять непреклонную верность режиму. Литература навязывала идеализированное представление о жизни и тем самым превращалась в своеобразный наркотик, отвлекавший от проблем настоящего дня - неустроенность, безденежье, неполноценное питание, отсутствие культурного досуга, невозможность протеста, неуверенность в завтрашнем дне.

Поиски крамолы

Художественное произведение должно было миновать определенные ступени контроля перед принятием к печати. Сначала автор сталкивался с консультантом издательства, который давал общую оценку произведения. Если оно было положительным, рукопись передавали редактору. Будучи образованнее цензоров, редакторы представляли для писателей еще большую опасность. Они замечали то, на что первые не могли не обратить внимания («скрытое цитирование», нежелательные аллюзии и т.п.). Редакторы следили за тем, чтобы текст не вызывал цепь «неконтролируемых ассоциаций». Отредактированный текст, практически не вызывал претензий. Затем произведение предлагали вниманию редакционной коллегии. Далее наступал черед предварительной цензуры, а с выходом книги - осуществлялся последующий контроль.¹⁴

Все больше давала себя чувствовать *самоцензура*. По своей сути, это был естественный защитный механизм, который предотвращал столкновение с официальной цензурой. Авторы старались угадать возможные претензии

¹⁴ А. Блюм. *Русские писатели о цензуре и цензорах*. От Радищева до наших дней, 1790-1990 гг. Опыт комментированной антологии, ред. А.В. Blum, Moskwa 2011, s. 425.

(идеологические, политические, эстетические и иные), которые могла встретить их рукопись.

По этим соображениям неоднократно вносил правки в свои произведения Якуб Колас. В Минске вышла его книга «Песня дружбы» (1947 г.), куда были включены стихотворения «Янке Купале», «Дядька Кастусь», «Тоска по любимой», «На братских могилах». Но лирическая поэма «Три сына», написанная в военные годы история надежд и утраченных иллюзий старого финна и его детей, обманутых нацистской пропагандой, была запрещена.¹⁵ Когда Сергей Городецкий¹⁶ взялся за перевод поэмы «Новая земля», то личный секретарь Якуба Коласа, сделал множество замечаний. Колас опасался обвинений, что он, якобы, воспевал единоличников (писал о желании крестьян получить собственный кусок земли), вычеркнул слово «Бог», которое заменил на «лѐс» (судьба – бел. яз.). Городецкий отказался, хотя уже получил гонорар за этот перевод.¹⁷

«Внутренний» цензор был неотделим от цензора «внешнего» и нередко оказывался еще более строгим. Автор терял оригинальность, стремился не выделиться, быть «как все», чтобы миновать фильтр Главлита и быть напечатанным.

Продолжала культивироваться концепция *социалистического реализма*,¹⁸ в которую не вписывались многие произведения литературы. Ничем не оправданные ограничения проявились как в отношении содержания, так и формы художественного повествования. Господствующей была признана теория бесконфликтности, допускавшая лишь столкновение между хорошим и лучшим, а также теория идеального героя, опиравшаяся не на жизнь, а на кодекс умозрительных норм.

Советская литература должна была оставаться *партийной* - активно защищать интересы «народных масс», «правдиво и честно» отображать борьбу людей за осуществление коммунистических идеалов. Писатели, поэты, художники, музыканты и режиссеры объявлялись «солдатами партии» которым предписывалось, что и как творить.

Утверждение, что партийность и объективность – совпадают, поскольку пролетариату и его партии не нужно скрывать свои ошибки, не выдерживает критики. Над советской культурой витал дух циничного прагматизма – что выгодно для партии, то и является истиной. Произведения, которые не попадали под категорию «партийных», не издавались.

По оценке Василия Быкова, в литературе разрешалась только та правда, что служила власти. Над ее регламентацией трудились партийные органы, им помогали писательские начальники, цензоры, редакторы, «закрытые» рецензенты, которых за верную службу вознаграждали квартирами, должностями, научными

¹⁵ Поэма «Три сына» увидела свет только в 1956 г.

¹⁶ Городецкий Сергей Митрофанович (1984-1967 гг.), поэт, прозаик, переводчик и драматург, творчество отмечено постоянным интересом к народным истокам, живописным образам, идущим от старинных легенд и поверий, живостью и естественностью стиха.

¹⁷ Интервью М. Мицкевича, сына Якуба Коласа. *Советская Белоруссия*, 7 мая 2010 г.

¹⁸ *Социалистический реализм* – художественный метод, использовавшийся в СССР (с 1930), тесно связан с идеологией и пропагандой, идейное содержание заложено диалектико-материалистической философией, марксистской эстетикой и коммунистическими идеями, охватывал литературу, драматургию, кинематограф, живопись, скульптуру, музыку, архитектуру.

званиями, премиями. Все это вело к вырождению литературы, и если в ней появлялось имя не полностью позорного автора, наделенного определенными способностями, наверху решали, что с ним делать?¹⁹

Не вышли «Сказки для маленьких» А. Цётки,²⁰ не разрешили набор статьи «Белорусская литература в Отечественной войне и первые дни восстановления», подготовленной для журнала *Польмя*; был изъят *Блокнот агитатора*, в котором упоминалось, что стекольный завод в Борисове носил имя Домбалья²¹, который был разоблачен, как «враг народа».²²

Влияние культа личности

Литературу существенно ограничивал культ личности. Творческую интеллигенцию заставляли участвовать в возвеличивании Сталина. Появились многочисленные панегирические произведения. Группу белорусских писателей и поэтов, отбывших сроки наказания, повторно арестовали после войны и отправили в места заключения.²³

В результате совместных усилий партийных комитетов, творческих союзов, общественных организаций и цензуры в сознании населения должны были сложиться основные стереотипы:

Врага внешнего - безжалостного капиталиста, заговорщика и поджигателя войны и *внутреннего* - эгоиста, низкопоклонника, карьериста, двурушника (имелись в виду враги еще не побежденные, некоторые из которых еще вчера были союзниками).

Передового советского человека - букет всего положительного и угроза всему отрицательному.

Исторических личностей - прогрессивных (царь Петр Первый, полководцы Суворов, Кутузов, Нахимов, изобретатели - Попов, борцы за народное счастье Разин и Пугачев) и реакционные (Николай Второй, писатель Достоевский, анархист Махно, националисты Петлюра и Бандера), а также собирательные образы угнетателей и эксплуататоров, фабрикантов, помещиков, купцов.

Несгибаемых большевиков - борцов за народное счастье, как погибших, так и продолжавших борьбу в качестве вождей трудового народа.

Оценка произведения в целом, мировоззрения автора, художественного мастерства, способов и приемов изложения не входили в обязанности Главлита. Однако на «фрагменты» той или иной книги, способные нанести ущерб

¹⁹ По идеологическим соображениям были сняты с набора «Мой майстра» - А. Белевича, «Недауня была», «Той самы», «Мышалоуки», «Прыгоды пуцка», «Маленства» - Янки Брыля, «Сымониha», «Домик с верандой», «Нараджэнне героя», «Две сестры», «Перед бурей» - И.Гурского и др. Рассказ Б. Макарцева «Мечта» был изъят из уже отпечатанного тиража.

²⁰ Это произведение А. Цётки (Элаиза Пашкевич) было расценено, как «антивоспитательное»: НАРБ, ф. 4-п, оп. 29, д.676, л. 47.

²¹ Домбаль, Томаш Францевич (1890-1937 гг.), вице-президент АН БССР (1932-1934), директор Института экономики, член ЦК КП(б)Б и ЦИК БССР, редактор «*Трыбуна Radziecka*» (Советская трибуна), польск.), посмертно реабилитирован (1955).

²² *Блокнот агитатора*, № 22, 1947 г.

²³ Андрей Александрович, Григорий Березкин, Сергей Граховский, Борис Микулич, Станислав Шушкевич и др.: Л. Маракоу, *Рэпрэсаваныя літаратары, навукоўцы, работнікі асветы, грамадскія і культурныя дзеячы Беларусі. Энцыклапедычны даведнік у 10 тамах (15 кнігах)*, Мінск 2002-2009.

государству и обществу, сеющие сомнения в правоте идеалов социализма и партийного руководства, а не только проповедующие жестокость и насилие, обращали пристальное внимание. Эти ограничения распространялись и на популярную литературу, включая детективы и любовные романы.

«Второй круг»

Во второй половине сороковых годов в порядке предварительного контроля были сняты с печати: одноактная пьеса Кравченко «Складаны вузел», рассказы «Мае мары» Микола Зосима, «Недаўняя бэль» Янки Бриля и повесть «Сустрэча» Янки Шероховскаго. *Літаратура і мастацтва* не пропустили стихотворение Пімена Панченка «Перад сустрэчай», в *Піянер Беларусі* - стихотворение Владимира Тютикова - «Мечта», опасной показалась сказка «Мена» из книги «Роднае слова» для чтения в первом классе начальной школы, а роман Кузьмы Чорного «Пошукі будучыні» не разрешен к набору.

В повести «Пошукі будучыні» автор, якобы, допускал мысль о гуманности немцев. В романе «Бацькаўшчына» писатель Чорный «идеализировал» немца, как организатора революционного движения в Белоруссии. Всеволод Кравченко в пьесе «Складаны вузел», по мнению цензуры, неправильно осветил проблему супружеской верности, когда муж находится на фронте. Такие же претензии высказали и Янке Шероховскому по поводу повести «Сустрэча». Владимир Нефед в пьесе «Па сваёй ініцыятыве» «политически невыгодно» показал пионеров колхоза.²⁴

При разработке исторической тематики, писателей обвинили в идеализации прошлого. Под руководством академиков Бориса Грекова²⁵ и Анны Панкратовой²⁶ разрабатывалась идеологически концепция, по которой «великий русский народ был первым среди равных в братской семье народов СССР».²⁷ Основная идея этой концепции состояла в утверждении «прогрессивного характера» присоединения к Российской империи всех без исключения «национальных окраин». Из этого делался вывод о том, что русского колониализма никогда не существовало, а русификация является сугубо положительным явлением, вызванным велением времени.²⁸ Понятно, что в той обстановке никаких других мнений быть не могло. Жалобы на искусственное форсирование этого процесса и одновременно принижение роли культуры нерусских наций вплоть до запретов и арестов национальной интеллигенции высказывать было некому.

Претензии были предъявлены к книге «Гісторыя БССР», вышедшей под редакцией секретаря ЦК КПБ Т.С. Горбунова, в которой были обнаружены

²⁴ Подростки 13-14 лет рассказывали старикам о тяжелой жизни при царизме, агитируя выйти на работу: «Вось што, бабуля! У той час, чым па суседках хадзіць ды плёткамі займацца, ішлі б вы лепш у калгас працаваць»: НАРБ, ф. 1195, оп. 2, д. 8, л. 24.

²⁵ Греков, Борис Дмитриевич (1882-1953 гг.), советский историк, известен своими масштабными исследованиями Киевской Руси и Золотой Орды, действительный член АН СССР (1934), директор Института истории АН СССР (1937-1953), трижды лауреат Сталинской премии.

²⁶ Панкратова, Анна Михайловна (1897-1957 гг.), советский историк, изучала историю рабочего класса, революционного движения, академик АН СССР (1953), АН БССР (1940), АПН РСФСР (1944), главный редактор журнала «Вопросы истории» (1953-1957).

²⁷ А. Панкратова, *Великий русский народ*, Москва 1952, с. 3.

²⁸ З. Шыбека, *Нарыс гісторыі Беларусі, 1795-2002 гг.*, Мінск 2002, с. 346.

идеологические просчеты. Однако виноватым сделали ректора БГУ профессора В.И. Пичету²⁹, приписав последнему утверждение, что белорусский народ, якобы, не имел права на свою историю до Великой Октябрьской социалистической революции.³⁰

П.К. Пономаренко в докладе на бюро ЦК КП(б)Б подчеркивал, что концепция Пичеты повлияла на некоторых историков и литераторов: «Тов. Михаил Климкович в песне «Отплата» сделал главным действующим лицом князя Януша Радзивилла, которого автор рисует в роли защитника народа и борца за его интересы: "...Свае цары былі б у нас, свая дзяржава, на нейкую палёжку спадзяваўся б чалавек..."»³¹

Нажим на творческих работников усилился после пленума ЦК КП(б)Б в ноябре 1947 г., который рассмотрел вопрос «О политической и идеологической работе среди интеллигенции». Утверждалось, что многие ее представители не отказались от своих националистических взглядов, теории «золотого века», которую переживала Белоруссия в 15-16 ст. Профессора М. Ларченко, заведующего кафедрой белорусской литературы при БГУ, автора учебника «Образование в БССР», обвинили в том, что он выдвигал на первый план проблему национально-освободительного движения, предавая забвению классовую борьбу. Ларченко, будто бы, восхвалял всех писателей прошлого, замалчивая слабые и ошибочные моменты их творчества.

Под предлогом усиления идеологического контроля над произведениями печати цензура возвратила на доработку шесть книг, объявленных политически вредными и десятки материалов,³² расцененных как преклонение перед буржуазным Западом. «Ученые записки БГУ. Историческая серия», якобы, идеализировали отношение императора Николая I к крепостному крестьянству. Монография М.Н.Никольского³³ «Происхождение и история белорусской свадебной обрядности» была признана политически не выдержанной.³⁴ В ходе подготовки первого послевоенного переиздания трудов Янки Купала было изъято 160 стихотворений, в которых усмотрели пропаганду национально-освободительной идеи.³⁵

На состоянии литературы сказывалась атмосфера холодной войны. Зимой 1948 г. А.А. Фадеев, выступая в Минске на Республиканском совещании Союза

²⁹ Пичета, Владимир Иванович (1878-1947 гг.), первый ректор Белорусского государственного университета (1921-1929), академик АН БССР (1928), заслуженный профессор БССР (1926), член-корреспондент АН СССР (1939), академик АН СССР и заместитель директора Института славяноведения АН СССР (с 1946).

³⁰ Пичета отзывался о Великом княжестве Литовском, как о первом белорусском суверенном государстве, а Виленскую иезуитскую академию (1578) называл первым высшим учебным заведением Беларуси и т. д.

³¹ Материалы бюро ЦК КП(б) Белоруссии от 28 октября 1946 г. Архив автора.

³² Только в 1947 г. в республике было сделано 496 купюр, из них сведений, составляющих военную и государственную тайну – 454, а политического и идеологического характера – 42.

³³ Никольский, Николай Михайлович (1877-1959 гг.), русский и советский историк, доктор исторических наук (1934), член-корреспондент АН СССР (1946), академик АН БССР (1931), директор Института истории АН БССР (1937-1953).

³⁴ «О повышении идеологических и деловых качеств цензоров БССР». Письмо Дедиоминой – Гусарову от 31 марта 1948 г.: НАРБ, ф. 4-п, оп. 29, д. 676, л. 13-16.

³⁵ *Записы*. Беларуска інстытут навукі і мастацтва, Nowy Jork 1983, t. 17, s. 245.

писателей, говорил, что западный мир давно поставил крест над человеком. Империализм стремится оправдать самое гнусное, что он творит в мире, поэтому «они» развращают интеллигенцию. Советские писатели являются новаторами в мире литературы, а то, что нас окружает за границей – это не литература, а распад человеческой личности.³⁶

По-своему символично стало обращение П.У. Бровки к министру МГБ Л.П. Цанава «не отказать в любезности» и предоставить писателям Центральный клуб МГБ в Минске для литературного вечера дружбы народов, посвященного празднованию тридцатилетней годовщины провозглашения БССР.³⁷ С одной стороны, Клуб КГБ по праву считался самым благоустроенным местом в разрушенном Минске, а с другой – писатели сами признавали над собой пристальное око службы безопасности и цензуры.

Начало 1950-х гг.

В начале пятидесятых годов кампания по осуждению «неверных» подходов при освещении исторического прошлого активизировалась. К печати не допускали произведения, отражавшие национальные особенности белорусов. Во время обсуждения рукописи книги М.С. Осмоловского «Минск – столица советской Белоруссии» автора критиковали за отсутствие исторического подхода. Осмоловский писал, что в 16-18 вв. в период войн Московского государства с Польшей и Швецией, Минск неоднократно разрушался вражескими войсками (намек на русские).³⁸ Ссылки автора на «Живописную Россию», где рассказывалось о старом Минске, были признаны ненаучными.³⁹

Из рукописи цензура потребовала убрать утверждение, что Минск до революции имел ничтожную кустарную промышленность.⁴⁰ Очень мало говорилось о первом съезде РСДРП и совершенно ничего о том, почему именно Минск был избран местом его проведения?⁴¹ При описании советского периода отсутствовала «страстная партийность» и не был отражен пафос послевоенного восстановления.⁴²

Нельзя было напоминать о безвозвратных утратах в годы войны, чтобы избежать разговоров (о дискуссии не могло быть и речи - ЛС) о цене победы. На обсуждение рукописи С. Щуцкого «Герой Советского Союза Николай Гастелло» к

³⁶ Стенограмма Республиканского совещания ССП БССР, 24-26 февраля 1948 г.: БГАМЛИ, ф.78, оп. 1, д. 25, том 1, лл. 153-154.

³⁷ Письмо П. Бровки – Л. Цанава от 22 декабря 1948 г.: БГАМЛИ, ф. 78, д. 22, л. 238.

³⁸ В ходе русско-польской войны (1654-1667 гг.) Минск был взят войсками царя Алексея Михайловича и удерживался до 1667 г.; в городе осталось только 2 тыс. жителей и 300 домов; во время Великой северной войны со Швецией (1700-1721 гг.) Минск был захвачен войсками Карла XII, а затем Петром I, которые его серьезно разрушили – ЛС.

³⁹ *Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении*, ред. Р.Р. Siemionow, Moskwa 1898 – считается одним из наиболее полных трудов, посвященных описанию Российской империи.

⁴⁰ Поскольку это отрицало наличие пролетариата (русских и белорусов) и оставляло намек на преобладающее количество ремесленников (евреев) – [przyp. aut.].

⁴¹ Инициатива принадлежала БУНДу, который располагал в Минске абсолютным большинством в рабочем движении.

⁴² Протокол заседания секции политической литературы Госиздата БССР 23 июня 1951 г.: БГАМЛИ, ф. 11, оп. 1, д.705, лл. 79-86.

недостаткам книги были отнесены – «бесстрастность и хладнокровие».⁴³ Щуцкий, якобы, допускал скоропалительные выводы, не утруждая себя доказательствами. Неубедительным для цензуры показались слова матери летчика-героя о том, что сын погиб выполняя ее наказ, а не веление Родины, совести коммуниста и патриота.⁴⁴

В 1950 г. объявили конкурс на лучшее произведение в прозе о послевоенной жизни. В центре находился молодой советский человек с богатыми и многообразными интересами, чувствами и стремлениями, строитель нового коммунистического общества. Лучшие произведения предполагалось публиковать в «Советской Белоруссии», журналах «Польмя» и «Беларусь», а в итоге они должны были составить отдельную книгу.⁴⁵

В 1951 г. Союз писателей отчитывался перед ЦК КП(б)Б о работе писателей. Было выделено семь направлений, обозначенных как генеральные. Писателям, несмотря на то, что их называли «солдатами партии», никто не приказывал, но настойчиво советовали обратить внимание на то, что лежало на повестке дня. Условия жизни и творчества, сознание судьбы предвоенного поколения их предшественников, не оставляли выбора. О том, какие конкретно темы требовалось освещать художественной литературе, показано в таблице № 1

Таблица №1. **Направления работы писателей БССР в 1951-1953 гг.**
(стихи, проза, сценарии, критические литературные разборы)

Тема произведения	Количество авторов	В %
Великие стройки коммунизма	5	10
Производственная тема	10	20
Колхозная тема	10	20
Борьба за мир	6	12
Отечественная война, партизанская борьба, подполье и общеисторические	14	28
Произведения для детей	2	4
Литературная критика	3	6
Всего	50	100

Таблица составлена по материалам БГАМЛИ, ф. 78, оп. 1, д. 41, лл. 242-244.

В 1952 г. неудачной была признана книга стихотворений Д. Ковалева «Близкие сердцу». В названной книге раздел «Беларусь родная» состоял из стихов, отражающих в основном дореволюционный период. У Ковалева не было «ярких и запоминающихся» произведений о социалистических преобразованиях в городе и на селе за годы советской власти. Стихи о войне оказались проникнуты тоской по погибшим в боях товарищах, вместо рассказа о героизме и пламенном советском патриотизме. Стихотворение «Беларуси», как показалось рецензентам,

⁴³ Протокол заседания секции редакционного совета при Госиздате БССР 12 июля 1951 г.: БГАМЛИ, ф. 11, оп. 1, д. 705, лл. 87-93.

⁴⁴ Имелось в виду, отсутствие в книге высказываний Ленина и Сталина о советском патриотизме и его истоках – [ргзур. aut.].

⁴⁵ Условия конкурса на лучший очерк, 27 апреля 1950 г.: БГАМЛИ, ф. 78, оп. 1, д. 31, л. 319.

перекликалось с тем, что писал В. Сосюра «Любiть Україну».⁴⁶ Досталось и редактору сборника «Близкие сердцу» Пимену Панченко, который подписал его к сдаче в Главлит, назначив другого редактора.⁴⁷ Вопрос об издании книги Ковалева был передан на рассмотрение правления Союза писателей БССР.⁴⁸

Нельзя было писать о бездомных. Большинство населенных пунктов республики были разрушены, а население ютилось в землянках.⁴⁹ Тем не менее, с трибуны сессии Верховного Совета БССР утверждалось, что жилищная проблема решена. Одновременно в Полоцкой областной газете по недосмотру цензуры появилась публикация о трудностях тех, кто еще не вышел из землянок, за что начальник Полоцкого управления Главлита получил строгое партийное взыскание.⁵⁰

Игнорировалась тема геноцида еврейского населения на территории Белоруссии. В 1952 г. в книге «В аду Освенцима» были удалены места о зверствах и бесчувствии нацистов, вызвавших панику среди советских людей в плену. В книге в «Фашистских застенках» сняли описание, как немецкое гражданское население в ужасе искало спасения на Западе при приближении частей Советской армии.

В стихотворении П. Глебоко цензура обнаружила:

Привет вам, люди республик, дорогие братья и сестры
Привет вам, наши соседи – подневольных стран борцы!

Подозрительными показались слова «подневольных стран борцы», поскольку «нашими» соседями являются страны народной демократии.⁵¹

Неуёмной, порой, оказывалась и критика внешнего врага. Страны Запада и США, на которые советское руководство было готово переложить все свои трудности послевоенного развития, изображались часто в неправдоподобном виде. В ноябрьском (1953 г.) номере журнала *Полымя* был опубликован памфлет, подписанный псевдонимами Вирка и Зурба, в котором американцы «сыпали» белорусскими поговорками, как из рога изобилия.⁵²

Кнут и пряник

Власти использовали в отношении деятелей культуры не только «кнут», но и «пряник». Главным мериллом успеха были Сталинские премии.⁵³ Награждения

⁴⁶ *Сосюра Володимир Николаевич* (1898-1965 гг.), украинский советский поэт, лауреат Сталинской премии (1948), стал объектом травли после статьи в газете «Правда» (1951), по обвинению в «буржуазном национализме» за стихотворение «Любiть Україну» (1944 г.).

⁴⁷ Панченко лишили гонорара за выполненную работу – [przyp.aut.].

⁴⁸ Протокол заседания редакционного Совета Госиздата БССР 16 июня 1952 г.: БГАМЛИ, ф. 11, оп. 1, д. 705, лл. 123-126.

⁴⁹ В 1947 г. министр совхозов БССР И. Крупеня сообщал ЦК КП(б)Б: «Многие продолжают оставаться в землянках, которые пришли в ветхость, грозят обвалом, заливаются водой, и это приводит к серьезным заболеваниям рабочих»: Е. Жирнов. *Коммерсант «Власть»*, № 44, 8 ноября 2010 г.

⁵⁰ Архив автора. Письмо Аркадия Бляхера из Бреста 24 марта 2010 г.

⁵¹ Отчет Главлита за 1953 г.: НАРБ, ф. 1195, оп. 2, д. 44, лл. 2-3.

⁵² Протокол заседания ССП БССР от 25 декабря 1953 г.: БГАМЛИ, ф. 78, оп. 1, д. 47, л. 265.

⁵³ Сталинские премии (с 1939 г.) присуждали за «выдающиеся заслуги» в области музыки, живописи, графики, скульптуры, архитектуры, драматургии, оперы и балета, кино и художественной прозы: первая премия – 100 тыс., вторая – 50 тыс., третья – 25 тыс. руб.

проводились ежегодно до конца 1952 г. В БССР самой престижной премии страны были удостоены Якуб Колас,⁵⁴ Янка Брыль,⁵⁵ Кондрат Крапива,⁵⁶ Аркадий Кулешов,⁵⁷ Иван Шамякин⁵⁸ и некоторые другие писатели и поэты.

Присуждение Сталинской премии не означало, что лауреатам разрешали писать всё как они того захотят. Предполагалось, что удостоенные счастливицы не будут дразнить «гусей», останутся осмотрительными, не захотят терять авторитет и привилегии. Премии радовали друзей лауреатов, но и прибавляли завистников. Если за два первых послевоенных года среди произведений, отмеченных этой премией, доля сугубо конъюнктурных работ была незначительной, то в дальнейшем она все более девальвировалась.⁵⁹

После смерти Сталина предпринимались попытки реанимировать советское прошлое. По оценке Григория Сvirского,⁶⁰ началось половодье фальшивок, подобных пьесе «Персональное дело» (1954 г.) Александра Штейна.⁶¹ В ней был выведен образ инженера Хлебникова, который сохранил идеалы в непорочность КПСС, несмотря на свое исключение из партии и отстранение от работы. Дочь Хлебникова - Марьяна, переживая за отца, не хотела подавать заявление в партию. На вопрос, почему она так поступает? Марьяна отвечала: «Пока тебя не восстановят, не могу». Тогда Хлебников возмутился: «На партию обиделась? Да, чем была бы моя жизнь без нее? Дышал бы чем?» И завершает - Стыдно!

В то же время новая эпоха все больше давала о себе знать. В конце 1954г. впервые после двадцатилетнего перерыва состоялся II Всесоюзный съезд советских писателей.⁶² Писателей призывали к глубокому изучению действительности, показать подлинную правду жизни в условиях борьбы между империализмом и социализмом, понимать процессы развития, которые происходят в нашей стране, вскрывать жизненные противоречия и конфликты.⁶³

Однако это был общий антураж. Когда делегаты съезда, вошли в Колонный зал Дома Союзов, то увидели выставку карикатур, немислимых до сих пор. На одной была изображена девочка-грязнуха, с хитреньким лицом угодливой ябеды. Рядом был помещен ее безликий силуэт с красным галстуком. Под первым рисунком было написано: «Вот Лиза-подлиза», а под соседним: «А, вот Лиза в

⁵⁴ Якуб Колас (1882-1956 гг.), лауреат двух Сталинских премий за стихотворения «Салар», «Голос земли», «На запад», «Моему другу», «Родной путь», «В майские дни», «Дорогой победы» (1946) и поэму «Хата рыбака» (1949).

⁵⁵ Янка Брыль (1917-2006 гг.), лауреат Сталинской премии (1952) за повесть «В Заболотье светает».

⁵⁶ Кондрат Крапива (1896-1991 гг.), лауреат двух Сталинских премий за пьесы «Кто смеётся последним» (1941) и «Поют жаворонки» (1951).

⁵⁷ Аркадий Кулешов (1914-1978 гг.), лауреат двух Сталинских премий за поэмы «Знамя бригады» (1946) и «Новое русло» (1949).

⁵⁸ Иван Шамякин (1921-2004 гг.), лауреат Сталинской премии (1951) за роман «Глубокое течение».

⁵⁹ *Сталинские премии: две стороны одной медали.* Сборник документов и материалов. Сост. В.Ф.Свиныйн, К.А. Осеев. Новосибирск 2007 г., с. 213.

⁶⁰ Г. Сvirский. *На лобном месте.* Литература нравственного сопротивления 1946-1986 гг., Moskwa 1998, s. 98.

⁶¹ Александр Штейн (1906-1993 гг.), советский писатель, драматург, сценарист, лауреат двух Сталинских премий (1949, 1951); своей пьесой «Закон чести» (1948) поддержал пропагандистскую компанию против космополитизма.

⁶² Съезд проходил в Москве 15-26 декабря 1954 г., на котором присутствовали 738 делегатов 45 национальностей СССР.

⁶³ *Литературная газета*, 16 декабря 1954 г.

издании «Детгиза».

Тут же была нарисован на всю стену портрет Корнея Чуковского, стихами которого «Мойдодыр» зачитывались все дети. Чуковского долго поносили, когда, якобы, было найдено и отправлено «куда следует» письмо к И.Е. Репину, в котором Чуковский умолял его не возвращаться в сталинскую Россию.⁶⁴ И вдруг на всю стену - добрый шарж с ободряющей подписью: «Нашдодыр».⁶⁵

Литературный процесс имел самостоятельную логику развития, многие писатели невольно нарушали границы дозволенного. Поэты, писатели и другие творческие работники пользовались внутренней борьбой в партийных верхах и все больше касались «пограничных» тем, что ранее было немислимо. Люди умели читать между строк, а писатель - писать между строк. Используя образное сравнение В. Жабинского, художественные произведения представляли собой «зеркало, хотя и далеко не ровное, туманное, местами в старых пятнах, но в котором, впервые можно было разглядеть советскую жизнь такой, какой она была».⁶⁶ Когда начали печатать рассказ Д. Гранина «Собственное мнение», роман В. Дудинцева «Не хлебом единым», поэма С. Кирсанова «Семь дней недели», Е. Евтушенко «Станция Зима», то повсюду пошли разговоры о литературной оттепели.⁶⁷ Кризис цензуры нарастал, в её монолите обнаруживалось больше трещин.

В Белоруссии увидели свет такие правдивые произведения, как повесть Янки Бриля «На Быстрынцы» и роман-эпопея Михася Лынькова «Векапомные дни». Среди драматургов выделялся талант Андрея Макаенка. В 1953 г. он написал комедию «Выбачайце, калі ласка!» о советском карьеризме, показухе, непрофессионализме руководящих властей. В эти годы в литературу возвращаются реабилитированные писатели - Андрей Александрович, Григорий Березкин, Язэп Пуца, Ян Скрыган, Станислав Шушкевич, Владимир Дубовка и др. Они принесли свой взгляд на проблемы сталинизма, жизни общества и страны.

Литература оказывала громадное влияние на умы и настроения людей. Можно согласиться с Мариной Цветаевой, которая утверждала, что Россия (в широком смысле этого слова - ЛС) в состоянии осознать себя только через литературу и замедление литературного процесса равносильно генетическому преступлению против будущего нации.⁶⁸

Чтение было не только развлечением, времяпровождением людей, лишенных свободного доступа к информации, но и обменом идеями. Обсуждение литературных произведений, поступков и характеров героев значило для людей

⁶⁴ В дневниках Репина есть упоминания о приезде Чуковского в Финляндию (1924), но нет ничего о том, что поэт отговаривал его от поездки на родину. Репин относился к советской России настороженно, несмотря на это когда весной 1925 г. в Русском музее была организована юбилейная репинская выставка, художник собирался ее посетить, но не получил визу: Е. Чуковская. «Почему Репин не приехал в СССР?» История одного вымысла: *Литературная газета*, 11 сентября 1997 г.

⁶⁵ Г. Свирицкий, *На лобном месте ...*, s. 100.

⁶⁶ В. Жабинский, *Просветы*. Заметки о советской литературе 1956-1957 гг. Изд. Объединения политических эмигрантов из СССР, Monachium 1958, s. 17.

⁶⁷ Понятие «Оттепель» возникло после выхода в свет одноименной повести И. Эренбурга, которая была опубликована в журнале «Знамя» еще до созыва XX съезда партии - весной 1954г., а осенью 1953 г., «Новый мир» напечатал стихотворение Н. Заболоцкого «Оттепель», весьма созвучное духу времени.

⁶⁸ Из предисловия к двухтомнику М. Цветаевой, *Поэт и проза*. Избранные произведения. Т. 1, Nowy Jork 1979. См. также: *Новый мир*, 1991 г., №2, s. 156.

больше, чем просто проведение досуга, поэтому участие партийных органов в литературном процессе продолжало оставаться на повестке дня.⁶⁹ Люди вчитывались в критические произведения художественной литературы и публицистики и думали, что за этим стоит? Почему цензура «вдруг» разрешила то, что, безусловно, запрещалось?

Борьба с наследием Сталина

Сталинские наследники хотели использовать литературу для своих целей. Цензура разрешила критиковать некоторые советские порядки, но так, чтобы недостатки обозначались, как временное явление, порождение недомыслия или злоупотребления отдельных личностей. Однако читатель увидел, что недостатки и пороки не случайны и проистекают из самой природы господствующего строя. Литература приобрела новые черты – человечность и гуманность. Все это очень напоминало мысли, высказанные творческой интеллигенцией стран Восточной Европы перед событиями в Польше и Венгрии в октябре и ноябре 1956 г. – следствие одних и тех же надежд, что насторожило власти.

Подспудно шла борьба между партийными руководителями, выходцами из хозяйственников и технической интеллигенции, с одной стороны, и партийными аппаратчиками – с другой. В роли положительных героев художественных произведений выступали – руководители промышленности и сельского хозяйства, специалисты, деловые люди с государственным мышлением, а отрицательные роли, чаще всего, принадлежали «людям партии»: секретарям партийных комитетов, парторгам ЦК и другим доверенным лицам режима.

Роковую роль в судьбе художественной интеллигенции играли «творческие союзы». Союз писателей был разделен на секции, соответствующие различным областям литературы. Авторы поощряли публично читать произведения, над которыми шла работа, обсуждали на заседании секции Союза, следили, воплотил ли автор в своем произведении истинный дух линии партии? Дальнейшая проверка проходила в редакциях «толстых» журналов, т.к. лучшая литература, даже романы, появляется сначала в этих изданиях. Главная задача состояла в соблюдении идеологической корректности рукописей.

Творческие союзы осуществляли контроль за подведомственными им издательствами, редакциями журналов, выставками и зрелищными представлениями и во многом дублировали цензоров. Среди руководителей союзов встречались талантливые и равнодушные люди, пытавшиеся противостоять идеологическому диктату. Однако с течением времени их сменило новое поколение чиновников от искусства, которые выступали заодно с цензурой.

Н.С. Хрущев считал, что государство призвано руководить творческим процессом, что литература и искусство должны «исправлять» ошибки, допущенные в период культа личности, но только под контролем партии. Нечаянное его выражение «...писатели-автоматчики», точно указывало на место писателя в обществе – место бойца, действующего по команде. Однако реальная жизнь не укладывалась в это прокрустово ложе. Противоречия между творческой

⁶⁹ М.Р. Зезина, «Из истории общественного сознания периода «оттепели». Проблема свободы творчества: Вестник Московского университета. Серия 8. История, 1992 г., № 6, с. 17-18.

практикой и идеологическими формами стало особенно заметно на второй волне «оттепели», наступившей после XX съезда.

Литературные переводы

К середине пятидесятых годов в республике появилось больше переводной литературы. На белорусском языке в первую очередь издавали произведения русской классической литературы - А.С.Пушкина, Ю.М. Лермонтова, Н.В. Гоголя, Л.Н. Толстого, А.П.Чехова, Т.Г. Шевченко. Их дополняли произведения современной прозы и поэзии – А.М. Горького, В.В. Маяковского, Н.А.Островского, А.А. Фадеева, М.А. Шолохова (Россия), М.Ф. Рыльского, П.Г.Тычины (Украина), А.Н. Чейшвили (Грузия), Г. Леберехта (Эстония), М.Ибрагимова (Азербайджан). Как правило, это были однотомники избранных сочинений, антологии русской, украинской и польской поэзии. На белорусский язык были переведены отдельные произведения современной советской прозы, ставшие культовыми для своего времени – «Повесть о настоящем человеке» Б.Полевого, «Далеко от Москвы» В. Ажаева, «Честь смолоду» А.Первенцева, «Водители» А. Рыбакова и др. Всего, по оценке директора Белгосиздата З.П.Матузова, в переводе на белорусский язык за 1951-1953 гг. было выпущено более 50 книг русской классики, произведений лауреатов Сталинской премии и писателей союзных республик.⁷⁰

Переводами русской классики занимались Я. Колос, К. Крапива, П.Бровка, А. Кулешов, К. Крапива, В. Вольский и некоторые другие известные белорусские писатели. Однако общее состояние качества переводов еще оставляло желать лучшего. Этим часто занимались случайные люди, неудавшиеся (или попавшие в опалу) литераторы, которые рассматривали переводы художественных произведений как временный заработок. При Главном управлении издательства и полиграфической промышленности Министерства культуры БССР отсутствовала соответствующая долговременная программа. Выбор перевода книги на белорусский язык часто зависел от вкуса того или иного литературного «начальника».

На третьем съезде Союза писателей БССР в 1954 г. общее количество переводов художественной литературы из союзных республик было признано недостаточным. Отсутствовали переводы на белорусский язык книг ведущих писателей Латвии, Армении, Молдавии, Карело-Финской ССР, республик Средней Азии.⁷¹

Как выяснилось, до середины пятидесятых годов не было переведено на белорусский язык ни одного произведения Н.Г. Чернышевского, Н.А.Добролюбова, А.И.Герцена, И.А. Гончарова, В.Г. Короленко. Можно предположить, что злого умысла в этом не было. Скорее всего, их произведения, изданные массовым тиражом на русском языке, были доступными читателю в библиотеках республики.

Читателя допускали только к тем произведениям из-за рубежа, авторы которых считались «своими» - одобряли и пропагандировали сталинский

⁷⁰ Стенограмма заседания третьего съезда ССП БССР. Минск, 15-18 сентября 1954 г.: БГАМЛИ, ф. 78, оп.1, д. 61, лл. 282-283.

⁷¹ Там же, л. 436.

социализм. По оценке Главлита, переводы таких произведений «идейно обогатили» национальную литературу республики. На белорусском языке увидели свет произведения Тудора Аргези и Михаила Садовяну (Румыния), Юлиуса Фучика (Чехословакия), Шандора Надя (Венгрия), Дин Лина (КНР) и некоторых других писателей стран народной демократии. На очередь были поставлены «лучшие», с точки зрения советского режима, произведения албанских, болгарских и немецких (ГДР) писателей.

По понятным причинам, начиная с 1946 г., на белорусский язык не переводились произведения современной прозы Соединенных Штатов Америки, Великобритании, Франции, Италии, Испании и Западной Германии.

В БССР, как и в целом по стране, читатели плохо представляли себе культурную жизнь в несоциалистических странах. Под видом борьбы с иностранным влиянием страна отгораживалась от заграницы. Эрнста Хэмингуэя называли «потерявшим совесть снобом», Лиона Фейхтвангера – «литературным торгашом», Синклера Льюиса – «Грязной душонкой».⁷² Можно было услышать вопрос: «Чему учат советских детей книги Жюль Верна? Все эти герои – человеконенавистник капитан Немо (роман «20 тысяч лье под водой»), или бесшабашный Дик Сэнд (роман «Пятнадцатилетний капитан»)»?⁷³

В порядке обмена была расширена практика переводов произведений белорусских авторов на языки дружественных стран. Государства Европы и Азии, попавшие в орбиту советского влияния охотно переводили за свой счет литературу союзных республик. Считалось, что это поможет сблизить народы, покажет общность их судьбы, борьбу с классовым угнетением, за национальное освобождение и мир во всем мире. Для переводов были придирчиво отобраны избранные труды (романы, очерки, повести, рассказы, стихи), которые должны были рисовать облик Советской Белоруссии, как гармонично развивающегося общества, успешно решающего все проблемы, встающие на его пути.⁷⁴

В 1952 г. в Список белорусской художественной литературы, рекомендованной к переводам в странах народной демократии, были включены имена 49 писателей (стихи, проза, критические литературные обзоры, сборники избранных произведений).⁷⁵

На польском языке должны были увидеть свет книги Я. Колоса, М. Лынькова и А. Стаховича, на немецком – М. Последовича, на румынском и польском – К.Крапивы, на польском и болгарском – И. Шамякина, на чешском, польском и немецком – Т.Хадкевича, на венгерском и польском – М.Танка, на китайском – Я. Купала и А. Кулешов.⁷⁶

Многоцветная палитра переводов была нужна не только для удовлетворения культурных потребностей читателей, но и носила важную представительскую

⁷² Р. Медведев, К суду истории. Генезис и последствия сталинизма, Nowy Jork 1974, s. 1072.

⁷³ Г.И. Мирский, Жизнь в трех эпохах, Moskwa 2001, s. 89.

⁷⁴ Советский Союз объявлял страны Запада в стремлении разжечь пожар третьей мировой войны, тогда как Запад вполне обоснованно опасался распространения советского влияния с Восточной, Центральной и части Южной Европы на ее западную часть. Помощь США по восстановлению Европы преподносилась Москвой, как создание плацдарма для нападения на СССР - [przyp.aut.].

⁷⁵ Приложение к протоколу Президиума ССП БССР 10 июля 1952 г.: БГАМЛИ, ф. 78, оп. 1, д. 47, лл. 166-167.

⁷⁶ Из плана работы ССП БССР на 1955 г.: БГАМЛИ, ф. 78, оп. 1, д. 67, л. 15.

функцию. Издавали книги только тех стран, с которыми «дружили». Переводы должны были показать расцвет национальных литератур и разоблачить «клевету» врагов советского народа о подавлении при социализме и утрате национального своеобразия и самобытности литературы и искусства.

Перевод на белорусский язык работ Ленина и Сталина

Серьезным событием в идеологической работе подавался выпуск сочинений Ленина и Сталина. По данным Книжной палаты БССР за период с 1917 по 1950 гг. в республике было издано 296 названий произведений Ленина, в том числе на белорусском языке – 248, общим тиражом почти 2 млн. 800 тыс. экз. Многие из них издавались по 5-10 раз. «Чемпионами» оказались – «Очередные задачи советской власти», «Государство и революция», «Задачи союзов молодежи», «Шаг вперед и два шага назад», «Что делать?» Начиная с 1945 г., было издано 39 названий ленинских трудов на белорусском языке работ тиражом 730 тыс. экз. Большой победой считалось завершение в 1951 г. 35-томного Собраний сочинений в переводе на белорусский язык.

Масштабы изданий работ И.В. Сталина на белорусском языке оказались скромнее, но только потому, что письменное наследие приемника Ленина было намного меньше, чем его учителя. Сравнить интеллектуальный потенциал двух «самых великих людей» советской эпохи не позволялось никому. Вместо этого тиражировалось выражение Анри Барбюса о том что «Сталин – это Ленин сегодня». Всего на белорусский язык было переведено и издано 178 произведений Сталина, тиражом почти 5 млн. 170 тыс. экз., в том числе после 1945 г. – 17 (420 тыс. экз.). Работы Сталина на белорусском языке переиздавались неоднократно. «Вопросы ленинизма» – 8 раз, речи на предвыборных собраниях – 11 раз, доклад о проекте Конституции СССР – 12 раз, Отчетный доклад XVII съезду ВКП(б) – 17 раз, «Краткий курс истории ВКП(б)» – 4 раза.

В 1949 г. было переведено на белорусский язык и издано собрание сочинений Сталина в тринадцати томах (240 тыс. экз.). В связи с выходом в свет краткой биографии Сталина (1 млн. экз.) в республике было образовано свыше семи тысяч кружков по изучению жизни и деятельности «великого кормчего коммунизма». В дополнение к этому было выпущено три сборника отдельных работ Сталина и Ленина (238 тыс. экз.).⁷⁷

Издание произведений Ленина и Сталина на белорусском языке массовым тиражом было обусловлено несколькими причинами. С одной стороны, к этому обязывал государственный престиж, что считалось обязательным для каждой союзной республики. По мысли советских идеологов, перевод на национальные языки свидетельствовал о признании заслуг и претворении на практике идей современных классиков марксизма. С другой стороны, существовала густая сеть политического просвещения – кружков, курсов, семинаров, вечерних университетов марксизма-ленинизма. Все учебные заведения (высшие и средние специальные), как гуманитарные, технические, медицинские или театральные, имели кафедры истории ВКП(б), научного коммунизма и политической экономии.

⁷⁷ Протокол заседания секции политической литературы Госиздата БССР 29 мая 1951 г.: БГАМЛИ, ф. 11, оп. 1, д. 705, лл. 70-78.

Советские студенты обязаны были в течение двух лет прослушать и сдать экзамен, который включал знание первоисточников работ Ленина и Сталина.

Дорогостоящее предприятие, вынуждало к большим расходам, привлечению резервов, что при затратной экономике было крайне обременительно. Послевоенная разруха, дефицит бумаги, оборудования, квалифицированных специалистов отодвигали исполнение многие других срочных заказов научной, технической, справочной и детской литературы. Однако условия существования советского режима требовали, чтобы экономическая целесообразность уступала место идеологии.

Новояз

При активном участии цензуры возник новый, советский язык или Новояз, которому отводилась роль универсального заменителя традиционного русского языка. Это был суррогат, который постепенно проникал во все сферы духовной деятельности людей – литературу, искусство и науку. Семантика новояза отражала идейное мифотворчество Коммунистической партии. Слова и выражения нового языка напоминали сжатые пружины политического манипулирования, при помощи которых, по выражению Ильи Земцова, в «человека вгоняются заряды идеологической энергии».⁷⁸

Новояз строился на двух основных компонентах: *словах-фикциях* и *словах-явлениях*.

Слова-фикции передавали понятия, лишённые всякого социального смысла («авангард», «боевитость», «внутрипартийная демократия», «дружба народов», «идейность» и пр.). Они были очень пластичны и откликались на любое изменение политической или социальной ситуации. Если один из компонентов утрачивал эффективность, то его меняли на другой, более современный, для воздействия на массовое сознание. «Гегемония пролетариата» превращалась в «гегемонию народа», а словосочетание ««пролетарский образ жизни»» изменялся на «советский», «социалистический» или «коммунистический».

Слова-явления опирались на искажаемые, но реально существующие факты и процессы советской действительности («встречный план», «доска почёта», «колхоз», «очковтирательство», «анонимка» и др.). Они представляли собой более или менее постоянные формулы действительности, которые не сразу распались при столкновении с жизнью («атеистическое воспитание», «коммунистическая мораль», «коллективное руководство» и т. п.).

Оба слоя советского языка не были изолированы друг от друга и, в случае необходимости, менялись местами. Усилия коммунистической пропаганды были направлены на поддержание стабильности слов-явлений и обновлении слов-фикций.

Цензоры хорошо ориентировались в Новоязе, который таил своеобразные психологические «ловушки». Этому способствовала бедность оборотов, шаблон фраз и стандартность выражений. Одни понятия, такие как «распределитель», «закрытые магазины»⁷⁹, «литерный паек», «вертушка», были закодированы и

⁷⁸ И. Земцов, *Советский политический язык*, Londyn 1985, s. 7-10.

⁷⁹ *Закрытые магазины* – система распределения дефицитных товаров по государственным ценам для членов номенклатуры.

ничего не говорили для непосвященных, а другие - оказывались чрезмерно информативными: «коммунизм», «антисоветизм», «оппортунизм». Перегрузка этимологии не позволяла строить сколько-нибудь рациональную систему объяснения.

Советский язык эксплуатировал приемы риторики. Такие обороты, как «волей партии», «активная жизненная позиция», «гвардейцы труда», «коммунистическая смена» должны были привести людей в состояние социальной экзальтации. Успешно проводилась подмена понятий. Если речь шла о социалистическом обществе то «безработные» именовались как «люди, ищущие работу». «Кризисы» объявлялись «временными трудностями» а «диктатура» подменялась словосочетанием «демократический централизм». Труд советских людей должен был вызвать в сознании ассоциативный ряд: «героический», «самоотверженный» или «доблестный». В то же время труд на Западе преподносился, как «подневольный», «унизительный» или «непосильный»; советский народ именовался «великим», а народ США - «многострадальным». Кроме того, многим советским словам придавался характер символов: «партия», «труд», «план», «соревнование» и др.

Сфера применения советского языка, была очень широкой. С его помощью не только называли и определяли явление, но разоблачали и осуждали неугодных режиму лиц. «Отщепенец», «оппортунист», «отребье» - звучали, как приговор. Новояз призывал к нужным ассоциациям и действиям. С этой целью гигантские лозунги выставлялись на центральных площадях городов, вывешивались на зданиях и витринах магазинов, заполняли стены кинотеатров, клубов и стадионов.

Так с помощью цензуры происходила мистификация подлинного значения слова и активная подмена реального смысла - иллюзорным. Сознательное ограничение этимологии слова, разрыв традиционного значения в интересах агитации и пропаганды - вызывали омертвление языка. Русский язык, отличающийся богатством, образностью, гибкостью, яркостью - ссудел, зажатый в советские штампы. В недрах общественного сознания оформились два параллельных мира: реальный, с противоречиями и конфликтами, и искусственный. В поведении людей наблюдался разлом - внешне оно оставалось политически приемлемым, а в частном выражении - не укладывалось в заранее данную систему коммунистических идеалов.

Вывод

Художественное слово в послевоенный период оказалось не в силах пробиться к читателю. Великая поэзия и проза, романы, поэмы, стихи, повести оставались не востребованными. Главлит отсекал все, что противоречило идеологическим запретам.

Цензура оставалась многоликой и после смерти Сталина. Деятельность разных ее ветвей (идеологической, государственной, военной, хозяйственной, ведомственной) причудливым образом переплетались. Во второй половине пятидесятых годов было реабилитировано большинство белорусских писателей и общественных деятелей, голословно обвиненных в национал-демократизме. Вместе с тем, сведения об этих авторах по-прежнему вычеркивались из энциклопедий, справочников, документальной и художественной литературы.

Способы психологического давления были самыми разнообразными: открытая слежка, прослушивание, перлюстрация писем, анонимные звонки по телефону и угрозы. Режим пытался сломить неуступчивых авторов морально, принудить к сотрудничеству, загнать в цензурные рамки. Если писатель не поддавался «перевоспитанию», его исключали из партии, увольняли с работы, лишали научных степеней и званий.

Неудобных авторов подвергали публичному осмеянию с помощью средств массовой информации, представляя их произведения, как бездейные, лживые, низкого художественного уровня. Вся гонорарная и издательская система ставила авторов в зависимое положение.

Закат советской цензуры оказался закономерным с кончиной государства (1991 г.), которое надорвалось под грузом собственных проблем. Отказ от цензуры позволил новым государствам, появившимся на постсоветском пространстве, заслужить доверие и быть принятым в международное сообщество. Однако Беларусь этот процесс затронул лишь частично.

Summary

Leonid Smilovitsky

Literature in the grip of censorship. Belarusian Page: 1944-1956 gg.

The purpose of the article to give an idea about the forms, methods, features, censorship in literature, show the specifics of Commissioners General Directorate for Literature and Publishing under the Council of Ministers of the BSSR, acting in close cooperation with the Communist Party of Belarus and the Ministry of State Security. The chronological framework of the study covers the period after the liberation republic from German occupation in summer 1944 and to debunking of Stalin's personality cult in 1956. The author specifies that literary expression in the postwar period were unable to get through to the reader. Glavlit cuts off everything that was contrary to the ideological prohibitions. Regime tried to break the uncompromising authors morally forced to cooperate, to drive into the scope of censorship. If the writer did not give in „re-education”, he was excluded from the party, fired from jobs, denied academic degrees and titles.

Streszczenie

Leonid Smiłowicki

Literatura w uścisku cenzury. Białoruska karta: 1944-1956.

Celem artykułu jest dać wyobrażenie o formach, metodach, cechach charakterystycznych, cenzury literackiej, pokazać specyfikę pełnomocników Głównego zarządu ds. literatury i wydawnictw przy Radzie Ministrów BSRR działających w ścisłej współpracy z Komunistyczną Partią Białorusi i Ministerstwem Bezpieczeństwa Państwowego. Ramy chronologiczne studium obejmują okres od wyzwolenia republiki spod okupacji niemieckiej, latem 1944 r., do obalenia stalinowskiego kultu jednostki w 1956 r. Autor zwraca uwagę, że twórczość literacka w okresie powojennym nie była w stanie dotrzeć do czytelnika. Gławlit odrzucał wszystko, co przeczyło ideologicznym zakazom. Reżim próbował złamać nieustępliwych autorów moralnie, zmusić do współpracy, wcisnąć w ramy cenzury. Jeśli pisarz nie poddawał się „reedukacji”, wyrzucano go z partii, zwalniano z pracy, pozbawiano stopni naukowych i tytułów.

